

DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-28-43

УДК 93

ВОЗРАЖАЯ Н.Г. ПОМЯЛОВСКОМУ: О «ЛУЧАХ СВЕТА» В «ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ» ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Беговатов Дмитрий Александрович

Тверской государственный университет,

Тверь, Россия

begovатов.da@tversu.ru

Аннотация. В статье анализируется внутренняя жизнь духовных учебных заведений России 1830–1850-х гг., в центре внимания – влияние педагогов на формирование личностей воспитанников. Цель статьи – продемонстрировать неполноту картины, представленной в «Очерках бursы» Н.Г. Помяловского, показать на материалах Тверской епархии положительные примеры наставников и выдающихся выпускников. Актуальность темы обусловлена сходством по ряду аспектов дореволюционных и современных духовных школ, наличием кризисных явлений в Русской православной церкви обоих периодов из-за кадровой проблемы. Информация для сопоставительного анализа черпается в источниках личного происхождения и публицистических сочинениях В.Ф. Владиславлева, И.С. Белюстина, И.М. Малеина, в материалах по истории Тверской духовной семинарии В.И. Колосова. Сравнение названных источников с «Очерками бursы» показывает сходство проблем; при этом некоторые ректоры тверских духовных школ являли собой крайне негативные образцы, оказывая деструктивное влияние на учеников. Позитивное наследие оставили после себя ректоры Афанасий (Соколов) и Серафим (Протопопов), большое влияние оказали на юношей труды Иннокентия (Борисова). Многие преподаватели занимались исследовательской работой, что говорит об их кругозоре и интеллекте. Среди выпускников тверских школ – целый ряд людей, получивших общероссийскую известность, что было бы невозможно без хороших наставников и качественной базовой подготовки. Однако разрозненные «лучи света» без деятельной поддержки властей не могли обеспечить доминирование новых тенденций в духовных школах, и в отсутствие реформ это грозило империи крахом.

Ключевые слова: духовные учебные заведения, духовное училище, духовная семинария, Русская православная церковь, Тверская епархия, И.С. Белюстин, В.Ф. Владиславлев, Н.Г. Помяловский, преподавание, наставничество, реформы духовных школ.

OBJECTING TO N.G. POMYALOVSKY: RAY OF LIGHT IN THE DARK OF THEOLOGICAL SCHOOLS

Begovatov Dmitry A.

Tver State University,

Tver, Russia

begovatov.da@tversu.ru

Abstract. The article analyzes the internal life of religious educational institutions in Russia in the 1830–1850s, focusing on the influence of teachers on the formation of the personalities of students. The purpose of the article is to demonstrate the incompleteness of the picture presented in «Essays on the Bursa» by N.G. Pomyalovsky, to show positive examples of mentors using materials from the Tver diocese. The relevance of the topic is due to the similarity in a number of aspects of pre-revolutionary and modern theological schools, the presence of crisis phenomena in the Russian Orthodox Church of both periods due to personnel problems. Information for comparative analysis is drawn from personal sources and journalistic works by V.F. Vladislavlev, I.S. Belyustin, I.M. Malein, and from materials on the history of the Tver Theological Seminary by V.I. Kolosov. A comparison of these sources with the «Essays of the Bursa» shows the similarity of the problems, while some rectors of Tver theological schools were extremely negative examples, exerting a destructive influence on students. Rectors Afanasy (Sokolov) and Seraphim (Protopopov) left behind a positive legacy; the works of Innocent (Borisov) had a great influence on the young men. Many teachers were engaged in research work, which speaks of their horizons and intelligence. Among the graduates of Tver schools there are a number of people who have gained all-Russian fame, which would have been impossible without good mentors and high-quality basic training. However, scattered «rays of light» without the active support of the authorities could not ensure the dominance of new trends in theological schools, and in the absence of reforms this threatened the empire with collapse.

Keywords: theological educational institutions, theological school, theological seminary, Russian Orthodox Church, Tver diocese, I.S. Belyustin, V.F. Vladislavlev, N.G. Pomyalovsky, teaching, mentoring, reforms of theological schools.

Цитирование: Беговатов Д.А. Возражая Н.Г. Помяловскому: о «лучах света» в «темном царстве» духовных школ // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 1. С. 28–43.
DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-28-43 / Begovatov D.A. Objecting to N.G. Pomyalovsky: Ray of Light in the Dark of Theological Schools, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 1. Pp. 28–43. DOI 10.18522/2500-3224-2024-1-28-43.

© Беговатов Д.А., 2024

«Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского — сочинение, которое стало настоящим культурным феноменом России периода Великих реформ. Появление данного произведения в начале 1860-х гг. было как своевременным, так и неслучайным: еще 10–15 годами ранее в его публикации не было бы особого смысла, и оно либо вовсе не увидело бы свет, либо осталось бы незамеченным. Однако с восшествием на престол Александра II, а особенно после Крестьянской реформы 1861 г., стало очевидно, что власть намерена провести комплексную модернизацию империи, и в этой связи возникали опасения относительно того, затронут ли грядущие изменения жизнь Церкви в целом и систему подготовки духовных кадров в частности.

В этот период появляются еще две работы-сенсации, которые произвели эффект разорвавшейся бомбы и вызвали открытое бурное общественное обсуждение: священник И.С. Белюстин (1858 г.), а затем профессор Д.И. Ростиславов (1866 г.), опираясь на обширный общероссийский материал, убедительно доказали наличие серьезнейших проблем во всех областях жизни Духовного ведомства, включая сферу учебных заведений. Возникший резонанс был настолько сильным, что привлек внимание даже императора [Белюстин, 1858; Ростиславов, 1866; Новые книги, 1862, с. 68–77; Римский, 1999, с. 18–19, 21, 190–191].

В таком внутривластном и литературно-публицистическом контексте «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского стали не просто художественным произведением автобиографического характера с колоритными зарисовками изъянов духовной школы середины XIX в. [Городецкий, 1905, с. 498]; это было демонстрацией острой необходимости коренного реформирования системы духовного образования, без чего подлинное обновление России оказалось бы неполным и невозможным [Леонтьева, 2002, с. 55].

Внимание к «Очеркам бурсы» было велико как до революции 1917 г., так и после нее, однако причины этого были различны [Вальбе, 1936, с. 179–182]. В сочинении Н.Г. Помяловского перед читателем открывается мрачная картина повседневной жизни духовного учебного заведения: холод, антисанитария, систематические, незаслуженные и изощренно-беспощадные телесные истязания, воровство, взяточничество, доносительство, нездоровые и жестокие формы досуга, пошлость и разврат, лень и нежелание воспитанников заниматься «науками», неэффективность учебного процесса, атеистические воззрения юношей (будущих священнослужителей!) и т.д. [Помяловский, 1949, с. 213, 215–217, 219, 221–225, 229–236, 238–240, 243–244, 246–248, 251, 254–262, 265–272, 288, 295, 304–307, 336, 352]. Критик «Отечественных записок» в 1862 г. признавал данный очерк не ангажированным пасквилем, а фотографическим отражением действительности и предупреждал читателей, что при знакомстве с сочинением «от некоторых подробностей ... может стошнить не только нравственно, но и физически». Представленную картину повседневности духовной школы он характеризовал как «гной на гное и язву на язве» [Новые книги, 1862, с. 69].

Отдельным и очень важным аспектом бурсацкой жизни в «Очерках» предстают взаимоотношения учеников и учителей, которые были наполнены озлоблением и ненавистью (показательно, что мечта одного из мальчиков – сжечь бурсу вместе с учителями и своими товарищами [Помяловский, 1949, с. 309–310]). Причина таких настроений крылась, однако, не только в средневековой системе наказаний (хотя она, бесспорно, калечила юные души): воспитанники с отторжением воспринимали схоластично-зубрильный подход в обучении, тяготились отсутствием в преподавании живой мысли, творчества и воображения, постоянно сталкивались с безразличием и незаинтересованностью наставников, с проявлениями профессиональной некомпетентности [Помяловский, 1949, с. 216–217, 219–220, 241–242, 266, 314–315]. Закономерно, что некоторые исследователи видят в сочинении Н.Г. Помяловского «потрясающие картины русского педагогического безобразия» [Вальбе, 1936, с. 189].

Однако автор «Очерков» не только клеймит учителей, но в какой-то степени даже встает на их защиту: по его мнению, те были вынуждены использовать методы жестокого физического воздействия, иначе никто из подростков вообще не стал бы учиться, при этом в существующем положении дел виноваты не наставники, а сама бурсацкая наука («чтоб ей сгнить с белого света») [Помяловский, 1949, с. 285].

Встречались ли в этом мрачном заведении исключения? Один из персонажей «Очерков бурсы» П.Ф. Краснов «не заставлял зубрить слово в слово, а это в бурсе почиталось едва ли не признаком близкого пришествия антихриста и кончины века сего. Он позволял ученикам делать себе вопросы, возражения, требовать объяснений по разным предметам и снисходил до ответов на них, а это уже окончательный либерализм для бурсы». Для воздействия на нерадивых учеников он успешно использовал психологические приемы, сочетавшиеся с юмором и остротами. Казалось бы, перед нами явно положительный пример, особенно в сравнении с другими преподавателями-изуверами – однако сам Н.Г. Помяловский именовал систему Краснова «варварством в педагогике», а применяемые им меры – «противоестественными и страшными» [Помяловский, 1949, с. 279–285].

Еще одним исключением на общем фоне, по мнению автора «Очерков», являлся В.В. Разумников – один из лучших педагогов: он отказался от использования в классах учебников, способствовал искоренению в мальчиках лени, стремился уничтожить власть одних учеников над другими, переложил на авдаторов ответственность за качество освоения материала их подшефными и т.д. Признавая положительный эффект данных нововведений, Н.Г. Помяловский констатировал, что «такие приемы для бурсы были слишком прогрессивны» [Помяловский, 1949, с. 321–322].

Два положительных персонажа из среды преподавательской корпорации не опровергают истину, которая, по мнению Н.Г. Помяловского, звучит следующим образом: «бурса – превосходное адовоспитательное заведение», откуда «многие дети

честных и умных отцов возвращаются дураками и подлецами» [Помяловский, 1949, с. 309, 333–334].

Насколько объективна и правдива картина, которая выведена в «Очерках»? Можно ли ее считать фотографическим снимком, срезом и отражением всей духовной образовательной системы России середины XIX в., которые допустимо экстраполировать на все учебные заведения духовного ведомства того времени? Для ответа на этот вопрос обратимся к истории и опыту конкретных духовных школ, и в качестве примера возьмем Тверскую епархию, которая еще с XVIII в. имела развитую сеть образовательных учреждений.

Информация о повседневной жизни воспитанников учебных заведений Тверской епархии и существовавших проблемах в изобилии содержится в дневниках, мемуарах и очерках протоиерея В.Ф. Владиславлева, священника И.С. Белюстина и чиновника И.М. Малеина (сына сельского дьячка); все они жили приблизительно в одно и то же время, а потому их наблюдения дополняют друг друга [Владиславлев, 1906; Из истории..., 2012; Леонтьева, 2012; Малеин, 1910]. Следует констатировать, что в общероссийском масштабе ожидания реформ духовных школ, а затем внедрение в их жизнь во второй половине XIX в. некоторых изменений способствовали рефлексии бывшими учениками периода своего обучения и профессионального становления, что и породило источники подобного рода.

Анализ упомянутых текстов в целом подтверждает наличие в духовных учебных заведениях Тверской епархии таких же проблем и сложностей, которые описал Н.Г. Помяловский: аварийное состояние помещений, телесные наказания учеников, «зверство учителей», взяточничество, воровство, обман, пьянство наставников и обучающихся, зубрежка, сухость и схоластичность «наук», беспорядки в учебном процессе, незаинтересованность преподавателей в результатах своей деятельности и т.д. — все это сопровождало юношей в школах Тверской епархии так же, как и воспитанников из «Очерков бурсы» [Владиславлев, 1906, с. 38–41, 44, 55–56; Из истории..., 2012, с. 35, 39, 44, 54, 58, 132–133, 138, 145, 149–150, 152, 157–158, 160, 169–170, 173–175, 186–187, 198–199, 238–239, 256–258; Белюстин, 1858, с. 20–22, 25, 31, 48; Леонтьева, 2012, с. 244–245, 356–357, 366–367, 371–372; Малеин, 1910, с. 60–62, 66, 96, 103–104, 107–108, 116–122, 127–128, 132–140, 145, 165–169, 176–178, 186–188, 190–191, 193, 195–197, 199–201; Розанов, 1882, с. 145–146; Римский, 1999, с. 149, 155, 157–158; Леонтьева, 2002, с. 56–57, 61–64, 67–69, 71–76].

Более того, некоторые тверские «наставники» были под стать самым мрачным персонажам Н.Г. Помяловского и могли бы составить им в этом плане конкуренцию. Трагично, но самый негативный пример демонстрировали некоторые руководители семинарии и уездных училищ. Печально хрестоматийными образами стали архимандриты Макарий (Зимин) и Никодим (Лебедев), которые возглавляли Тверскую духовную семинарию в 1838–1845 и 1847–1852 гг. соответственно [Колосов, 1889, с. 390–391].

Макарий (Зимин) оказывал крайне негативное влияние на воспитанников. Он прямо учил слушателей богословского класса, что «в духовном ведомстве от всего можно откупиться за деньги и всего можно добиться. С выписанной им из Рязани в качестве родственницы некоей мещанской девицы <...> он жил открыто, как с женой. <...> Его нередко выслеживала полиция в таких местах, куда посетители и не в монашеском костюме считают позорным для себя заглядывать» [Из истории..., 2012, с. 256–257; Леонтьева, 2012, с. 401–403; Белюстин, 1858, с. 29, 45].

Архимандрит Никодим (Лебедев) напивался мертвецки пьяным, отличался распутством, с учениками общался грубо. Мстительностью, жестокостью и вымогательством он восстановил против себя всех семинаристов, и при переводе его из г. Твери на новое место служения они провожали его словами: «Господь избавляет нас от тирана, <...> проклятия и стоны отчаяния пойдут за тобой не только в Чернигов, но и на небо» [Из истории..., 2012, с. 132, 138, 145, 161; Малеин, 1910, с. 142].

Порой не лучше обстояли дела на уровне уездных школ. Так, ректор Вышневолоцкого духовного училища Щапов собственноручно избивал учеников до крови, сек их до полусмерти и т.д., из-за чего в столицу на него была подана жалоба. Следствие полностью подтвердило данные факты, однако виновному едва не удалось избежать наказания: крупные взятки ректору и инспектору тверской семинарии склонили мнение местного начальства в его пользу. Только благодаря тому, что дело удалось довести до сведения академического правления, правда восторжествовала: Щапов был отстранен от должности с вынесением ему строгого выговора, а его местные покровители получили по заслугам (ректор семинарии был переведен на новое место служения со строжайшим выговором, инспектор семинарии отделался строгим замечанием) [Из истории..., 2012, с. 256–257].

Несмотря на то, что в целом картина оказывалась удручающей и совершенно не соответствовала атмосфере подготовки служителей престола Божьего, в «темном царстве» духовных школ епархиального уровня все же иногда пробивались своеобразные «лучи света». В уныло-мрачной учебной рутине отдельные наставники и начальники учебных заведений становились яркими исключениями, воспоминания о которых воспитанники без преувеличения пронесли через всю жизнь. В «Истории Тверской духовной семинарии», изданной к 150-летию учебного заведения, за период с 1814 по 1889 гг. (75 лет, предшествовавшие юбилею) особо отмечены только два ректора: Афанасий (Соколов) и Серафим (Протопопов). Оба оставили после себя светлую память и добрую славу [Колосов, 1889, с. V–VI; Леонтьева, 2002, с. 71].

В.Ф. Владиславлев с теплом отзывался об Афанасии (Соколове), под началом которого ему довелось некоторое время учиться. Он характеризовал его как человека «пламенно-благородной души», который не терпел бессмысленного зазубривания и стремился раскрыть интеллектуальные таланты мальчиков. Его нестандартные педагогические приемы, неформальное отношение к ученикам и преподаванию дисциплин вызвали живой отклик у воспитанников и будили «юные порывы молоденького сердечка». Он любил задавать писать сочинения-эспромты и в качестве

тем для них формулировал простые и понятные тезисы, которые тут же, в классе, требовалось раскрыть (например, «Для хорошего ученика экзамен несколько не страшен»). При проверке теоретических знаний он не довольствовался выслушиванием зазубренных текстов: умышленно выдвигал отвечающим контраргументы и возражения, чтобы заставить их продемонстрировать глубину познаний, гибкость и скорость ума. На аттестации он провоцировал здоровую соревновательность между учениками, целыми семинарскими отделениями и даже духовными училищами (когда одновременно приглашал отвечать выпускников разных училищ епархии); это мотивировало подростков к предельной собранности и демонстрации лучшего результата, заставляло отстаивать честь школы, наставника и свою собственную. Ректор не скупился на похвалы успешным ученикам и поощрял их материально: он регулярно, в достаточно большом количестве и существенными суммами раздавал трудолюбивым воспитанникам личные деньги, что при традиционной бедности семинаристов становилось для них серьезным подспорьем. Ввиду такой «благородной расточительности» ректор порой сам оставался без копейки и был вынужден занимать средства у своего служителя или у эконома семинарии [Владиславлев, 1906, с. 42–45, 48–51, 54, 56; Колосов, 1889, с. 336, 339–340, 344, 347–350]. Помимо денег, ректор охотно дарил мальчикам книги. Так, И.С. Белюстин, который учился в семинарии в период пребывания в ней Афанасия (Соколова), за один год получил от него в качестве поощрения полуимпериал, а также четыре печатных издания [Леонтьева, 2012, с. 279].

Афанасий (Соколов) поощрял здоровые формы досуга воспитанников и спортивные игры, очевидно, понимая важность их для нормального физического развития подростков. В период его управления на семинарском дворе разрешалось играть в свайку, веревку и мяч, причем необходимый инвентарь для этого по приказанию ректора приобретался на казенный счет. Показателен случай, когда в ходе игры мяч ненамеренно угодил в окно школы: разъяренный инспектор требовал винных «наказать примерно за такую тяжкую вину, как посягательство на казенное добро», но Афанасий (Соколов) встал на сторону учеников, оставил дело без последствий и просто распорядился эконому заменить разбитое стекло [Колосов, 1889, с. 349–350; Леонтьева, 2002, с. 67].

В.И. Колосов дает этому человеку следующую характеристику: прекрасный педагог, «анахорет в истинном смысле слова, человек в высшей степени гуманный, он все свое время посвящал на занятия в семинарии и для семинарии». Ректор не пропускал занятий, не тяготился ими и всегда умел заинтересовать слушателей: «Он овладевал вниманием учеников скоро и свободно и умел поддержать это внимание до конца класса <...> Всячески избегал споров схоластических, основанных на софистике <...> Беседовал он с такой искренностью и с таким увлечением, что нередко появлялись слезы на глазах». Он не прокладывал между собой и воспитанниками непроходимой пропасти — напротив, позволял себе уместные шутки, во время рекреаций участвовал с учениками в играх, вел себя как отец с детьми. Такое поведение не было пренебрежением к субординации или проявлением фамильярности:

«Ректор Афанасий не боялся уронить свой начальнический авторитет близкими сношениями с учениками; напротив даже, посредством их он недосыгаемо возвышал его» [Колосов, 1889, с. 336–337, 349].

Следует констатировать, что данные оценки не являются каким-то елейным панегириком в адрес духовного начальства: В.И. Колосов отмечал некоторые недостатки педагогических подходов Афанасия (Соколова). Кроме того, в «Истории Тверской духовной семинарии» встречаются нелицеприятные оценки ряда наставников, содержатся сведения о связанных с ними уголовных делах и предосудительных проступках, есть информация о преподавателях-самоубийцах и т.д. [Колосов, 1889, с. 380–432]. Таким образом, признать приведенные характеристики Афанасия (Соколова) односторонними и предвзято-субъективными нельзя.

Афанасий (Соколов) пробыл ректором Тверской духовной семинарии с 1832 по 1837 г. Его направление на новое место служения было воспринято учениками с сожалением, которое усилилось еще больше из-за того, что при его преемнике, Макарии (Зимине), «все вошло в обыкновенный уровень школярства» [Владиславлев, 1906, с. 55; Афанасий]. Для И.С. Белюстина перевод Афанасия (Соколова) стал едва ли не личной трагедией: «Грустно было всем – и преимущественно мне – расстаться с таким беспредельно добрым начальником, с таким неутомимо-деятельным профессором. Но я потерял в нем больше: самого заботливого о пользах моих, самого снисходительного к недостаткам моим отца. Его ласкам, его вниманию ко мне не было ни конца, ни пределов. Господь да воздаст тебе, бескорыстный благодетель мой, за то, что ты так ярко, так радужно оцветил мою юность» [Леонтьева, 2012, 280]. Учитывая тот факт, что И.С. Белюстин традиционно мрачно и довольно едко отзывался о духовных школах и их преподавателях, ценность такой характеристики крайне высока.

Еще одним ректором, который оставил после себя добрую память, стал Серафим (Протопопов), управлявший тверской семинарией в 1856–1866 гг. Годы его пребывания на этом посту отмечены целым рядом важных нововведений: он отменил унижительные наказания учеников, рекомендовал наставникам вежливо обращаться с воспитанниками, способствовал развитию у юношей самостоятельного мышления и чувства самоуважения [Колосов, 1889, с. 352].

Положительные отзывы сохранились о ректоре Тверского духовного училища И.Я. Ловягине. В.Ф. Владиславлев утверждает, что тот был «добр с учениками и учителями, как отец», однако не был лишен недостатков при несении службы на данном месте [Из истории..., 2012, с. 169].

В педагогической корпорации тверских духовных школ встречались люди, не чуждые «наукам» не только в теории, но и на практике. В течение XIX в. были изданы десятки работ преподавателей Тверской духовной семинарии по широкому спектру тем из области истории России, истории тверского края, истории Церкви, философии, педагогики, сельского хозяйства, литургии, экклезиологии, сакраментологии,

библистики и т.д. [Розанов, 1881, с. 566–567; Колосов, 1889, с. 398, 412–413, 415, 418, 420–421, 423, 427–431; Римский, 1999, с. 143]. Более того, сочинения А.Ф. Изотова были отмечены малой серебряной медалью Вольного экономического общества и большой серебряной медалью Ученого комитета Министерства государственных имуществ [Розанов, 1881, с. 566; Колосов, 1889, с. 420]. Известны несколько наставников тверской семинарии, которые принимали деятельное участие в работе Вольного экономического общества [Колосов, 1889, с. 419–420].

Некоторые преподаватели настолько хорошо владели иностранными языками, что занимались переводческой деятельностью. Так, Д.А. Воронов более 10 лет являлся учителем в тверской семинарии и после перехода на гражданскую службу перевел ряд сочинений Шатобриана, Мармонтеля, Фридриха Великого; также он был принят в Санкт-Петербургское Вольное общество любителей русской словесности и стал членом литературного общества «Беседа любителей русского слова». М.И. Митропольский отметился переводом на русский язык трех сочинений [Колосов, 1889, с. 405–406, 431]. Хотя в обоих случаях переводы были выполнены вне периода работы в тверских духовных школах, однако сами эти факты свидетельствуют об уровне познаний данных преподавателей и широте их интеллекта, который они, несомненно, проявляли и в годы учительства.

Охарактеризованные наставники, а в особенности ректоры Афанасий (Соколов) и Серафим (Протопопов), представляют разительный контраст той мрачной галерее портретов, что предстает в «Очерках бursы».

По свидетельству протоиерея В.Ф. Владиславлева, еще одним «лучом света» для него и его однокашников в период обучения в духовных школах стал Иннокентий (Борисов) (впоследствии архиепископ Херсонский и Таврический). Этот человек получил прозвище «русский Златоуст», его проповеди печатали не только в церковной периодике, но также в светских газетах и журналах, он состоял почетным членом всех русских духовных академий, университетов, а также Археологического, Географического, Вольного экономического и других обществ [Богданова, 2008].

Личного знакомства у тверских семинаристов с этой незаурядной личностью не было: их «встреча» произошла через опубликованные проповеди Иннокентия (Борисова), однако это несколько не ослабило эффекта [Иннокентий (Борисов), 1835] (возможно, речь идет о книге «О великих Господских и Богородичных праздниках»). По воспоминаниям В.Ф. Владиславлева, данные поучения «производили на нас удивительное впечатление. Мы их читали и переписывали целые ночи. <...> Нас увлекала эта живость чувства, свежесть языка, простота и естественность в раскрытии истины, поразительность некоторых оборотов». По признанию В.Ф. Владиславлева, он насколько увлекся этими текстами, что многие выучил наизусть [Владиславлев, 1906, с. 91]. Среди общего схоластично-формального и бездушного подхода к составлению проповеди слог и приемы Иннокентия (Борисова) становились глотком свежего воздуха, и о влиянии данных поучений В.Ф. Владиславлев вспоминал даже через 15 лет после первого знакомства с ними.

В «Очерках бурсы» Н.Г. Помяловского духовные учебные заведения предстают губителями интеллекта, рассадниками невежества и воспитателями темных суеверий. Опровержением этого посыла и еще одним аргументом в пользу того, что «свет» в духовных школах все же присутствовал, может служить плеяда выдающихся личностей, которая вышла из их стен и составила цвет русской интеллигенции XIX–начала XX в.

Выпускником духовных учебных заведений Тверской епархии являлся маститый иерарх Русской православной церкви второй половины XIX в. киевский митрополит Платон (Городецкий). Это был видный церковно-общественный деятель, поборник просвещения и миссионер, который ярким проповедническим талантом обратил на себя внимание императора Николая I. Митрополит Платон разработал приемы полемики со старообрядцами, занимался вопросами преподавания истории раскола, распространял православие среди буддистов, боролся с экспансией штундизма, предложил довольно прогрессивный проект реформы Св. Синода, выступал за единение христианских конфессий и имел нетрадиционно «широкие» (либеральные) взгляды по ряду вопросов церковной жизни и догматики. Кавалер множества иностранных и российских орденов (включая высший орден Российской империи – Андрея Первозванного) и обладатель различных церковных наград, он оставил после себя около двух десятков сочинений. Митрополит Платон окончил Ржевское духовное училище и тверскую семинарию и, зная нужду, в которой протекала жизнь учеников, учредил специальные банковские капиталы: на начисляемые проценты содержался один из учеников ржевского училища, а в тверской семинарии существовала специальная именная стипендия для поддержки бедных, но способных юношей (аналогичные меры предпринимались им в отношении духовных учебных заведений других регионов империи) [Колосов, 1889, с. 433–434; Берташ, 2019, с. 635–642].

Еще одним известным воспитанником духовных школ Тверской епархии стал ржевский протоиерей Матфей Александрович Константиновский – выдающийся проповедник и миссионер, окончивший Новоторжское духовное училище и тверскую семинарию. Являлся духовником великого русского писателя Н.В. Гоголя, который в частной переписке отзывался о нем следующим образом: «По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений». Протоиерей Матфей также был духовным наставником обер-прокурора Св. Синода А.П. Толстого, который согласился принять это высокое назначение после получения соответствующего благословения. В столичных кругах провинциального священника принимали очень тепло, а некоторые помещики Тверской губернии специально переселялись в Ржев, чтобы находиться рядом с этим пастырем. Как выдающийся мастер слова о. Матфей был освобожден от цензуры проповедей, которая в то время являлась практически обязательной. Его храм всегда был полон народа, и порой это становилось причиной неудовольствия и зависти со стороны других настоятелей. Авторитет священника поддерживался не только глубокими поучениями, но и личным примером – он «жизнь

вел строго-воздержную: вина никакого не пил», долгие годы утолял жажду одной только водой, еще в юности отказался от мяса (склонность к аскетичности проявилась уже в семинарские годы, когда он намеревался принять монашеский постриг). Широкая известность священника и духовное значение его служения были таковы, что позже его сравнивали с Иоанном Кронштадтским [Отец Матфей Константиновский, 1902, с. 129, 131, 133, 143–144; Воропаев, 2015, с. 131–134; Расев, 2017, с. 25].

Выдающийся историк Церкви и востоковед Василий Васильевич Болотов также вышел из стен духовных школ Тверской епархии. Становление будущего ученого началось в Осташковском духовном училище и тверской семинарии, где он обращал на себя внимание блестящими способностями к языкам. Много лет проработал в Санкт-Петербургской духовной академии, преподавал богословие и историю Древней Церкви, стал создателем «болотовской» церковно-исторической школы. Он знал около двух десятков языков, что позволило ему привлекать к исследованию огромный пласт источников. Владея языками, которые использовались в Эфиопии, он оказывал большую помощь Министерству иностранных дел, выполняя переводы дипломатической переписки. В.В. Болотов входил в ряд комиссий по реформе календаря. Кавалер орденов св. Станислава и св. Анны, доктор церковной истории *honoris causa*, он был избран членом-корреспондентом императорской Академии наук. Его труды по оригенизму, истории восточных Церквей и ряду других вопросов получили международное признание, поставили его в один ряд с выдающимися зарубежными исследователями в данных сферах и не утратили актуальности до настоящего времени. Безвременная смерть в возрасте 46 лет оборвала чрезвычайно плодотворную деятельность уроженца тверской земли [Колосов, 1889, с. 437–438; Храпов, 2002, с. 663–667].

Помимо названных лиц, в перечне выпускников Тверской духовной семинарии присутствуют министр финансов и почетный член Петербургской академии наук И.А. Вышнеградский, «дедушка русской химии» А.А. Воскресенский, духовник Великой княгини Александры Иосифовны и Великого Князя Константина Николаевича А.И. Двукраев, ректор Варшавского университета Н.А. Лавровский, член Учебного комитета при Св. Синоде И.Я. Образцов, член Московского цензурного комитета И.Д. Петропавловский, уже многократно упоминавшиеся протоиерей В.Ф. Владиславлев, священник И.С. Белюстин и т.д. [Колосов, 1889, с. 433–462; Леонтьева, 2002, с. 86–87].

Приведенный перечень далеко не полный и содержит имена лишь самых известных воспитанников тверских духовных школ, которые реализовали свои таланты как в стенах Церкви, так и за ее пределами. К этой же когорте относятся множество профессоров светских учебных заведений, ректоры духовных семинарий, ученые, врачи, государственные служащие, генералы и т.д. [Колосов, 1889, с. 433–462; Малеин, 1910, с. 204–205; Римский, 1999, с. 143; Леонтьева, 2002, 83–84]. Если бы духовная школа убивала в зародыше все проявления ума и интеллекта (как это следует из «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского), то ничего подобного бы не наблюдалось.

Показателем достаточно высокого уровня образованности выпускников тверских духовных школ являются публикации, которые становились результатами научных изысканий представителей местного духовенства. В проекте Отчета Св. Синоду «о состоянии Тверской епархии» за 1858 г. архиереем дается следующая характеристика этой стороне деятельности священнослужителей: «Многие из городских священников, особенно города Твери, кончили курс в высших духовных заведениях и доселе имеют возможность и любовь заниматься, кроме обыкновенных поучений и проповедей, историческими изысканиями касательно Тверской епархии и местных древностей и состоят в сношении с учеными обществами: напр[имер] с Санкт-Петербургским географическим и этнографическим обществом, с Московским обществом любителей древностей и другими» [ГАТО, ф. 103, оп. 1, д. 1225, л. 61, 86об.; Леонтьева, 2012, с. 383, 385; Римский, 1999, с. 143].

Не отрицая большой роли личных способностей, усердия, трудолюбия и целеустремленности при построении карьеры и ведении научной деятельности, следует также признать важность труда наставников и качества образования, которые позволили добиться продвижения на высокие позиции по линии духовного и светского ведомств, заниматься исследовательской работой и получить общественное признание через представление в печати результатов своих изысканий.

Таким образом, сопоставление зарисовок Н.Г. Помяловского с информацией источников по духовным школам Тверской епархии дает противоречивый результат. Анализ показал, что в воспоминаниях, дневниках и публицистических сочинениях присутствуют свидетельства о тех же пороках и «зверствах» (выражение И.С. Белястина), которые встречаются в «Очерках бурсы»; это говорит о том, что духовная школа действительно находилась в состоянии кризиса, не выполняла в полной мере поставленных перед ней задач, а в некоторых аспектах достигаемый результат оказывался прямо противоположным ожиданиям государства и Церкви. Но даже при таких существенных изъянах среди преподавателей училищ и семинарий встречались «лучи света», которые положительно влияли на воспитанников, формировали их личности в созидательном ключе, развивали таланты и зажигали в сердцах и умах огонь, который выпускники затем проносили через всю жизнь.

Издание «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского имело целый ряд последствий. Широкое обсуждение данного сочинения актуализировало вопрос о профессиональной подготовке священнослужителей, привлекло внимание исследователей к изучению проблем духовного образования, способствовало тому, что церковные и светские власти всерьез задумались о реформировании данной сферы. Не исключено, что появление этого произведения повлияло на введение в 1867 г. новых Уставов и штатов духовных образовательных учреждений. Внедренные нормы благотворно отразились на жизни училищ и семинарий, но не привели к коренной ломке прежних порядков, а последующие «настройки» образовательной системы по большей части законсервировали все изъяны и структурные противоречия [Уставы и штаты...; Колосов, 1889, с. 352–353; Леонтьева, 2002, с. 58–59].

Как отмечают исследователи, к началу XX в. стало очевидно: клубок проблем в данной сфере достиг такого состояния и размеров, что откладывать далее его разрешение не представлялось возможным без угрозы для жизнеспособности всей системы. В этой связи примечательны две инициативы, которые возникли в среде преподавательского сообщества тверских духовных школ.

Весной 1905 г. в «Церковном вестнике» была опубликована «Записка», авторами которой выступили учителя тверской семинарии; в ней предлагалось организовать в Москве съезд для обсуждения наиболее острых вопросов, касающихся жизни и деятельности духовных образовательных учреждений [Леонтьева, 2002, с. 85, 93].

Уже упоминавшийся В.И. Колосов, видный тверской краевед и «кадет» по политическим взглядам, явился инициатором создания первого в России Союза преподавателей духовных учебных заведений; данное сообщество ставило своей целью гуманизацию образования и преодоление сложностей во взаимоотношениях между наставниками и воспитанниками. Однако это начинание вызвало серьезную обеспокоенность властей, и присланный столичный ревизор закрыл данное объединение [Леонтьева, 2002, с. 86]. Очевидно, что реализация обоих инициатив и неформальные действия по разрешению имеющихся проблем добавили бы «воздуха» и «света» в жизни духовных школ, однако этого не случилось.

Таким образом, комплексного реформирования духовной образовательной сферы в дореволюционный период так и не произошло, несмотря на то что «снизу» поступали недвусмысленные сигналы о неотложности подобных мер; делалось это в том числе и с помощью таких сочинений, как «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского. В одиночку разрозненные «лучи света» не могли развеять того «сумрака», который господствовал в «царстве» духовных школ. Как констатирует Т.Г. Леонтьева, результатом нежелания (или неспособности) властей изменить ситуацию стало то, что в начале XX в. в рядах социально-демократических партий и среди членов революционных обществ России заметную долю заняли семинаристы. Переход потенциальных служителей Божьих в оппозицию к Его помазаннику предвещал скорый крах империи [Леонтьева, 2002, с. 80–81, 87–88].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Афанасий (Соколов). URL: <https://www.pravenc.ru/text/76926.html> (дата обращения – 23 декабря 2023 г.).

[Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // *Русский заграничный сборник*. № 4. Berlin – Paris – London: A. Asher et Co etc., 1858. 166 с.

Берташ А., прот. Платон (Городецкий), митр. // *Православная энциклопедия*. Т. 56. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. С. 635–642.

Богданова Т.А. Иннокентий. М.: Большая российская энциклопедия, 2008. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2012294 (дата обращения – 24 декабря 2023 г.).

- Вальбе Б.С. Помяловский. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. 262 с.
- Владиславлев В.Ф. Автобиографические записки протоиерея Тверской Владимирской церкви В.Ф. Владиславлева. Тверь: Типография губернского правления, 1906. 161 с.
- Воропаев В. А. Константиновский Матфей Александрович // *Православная энциклопедия*. Т. 37. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. С. 131–134.
- Городецкий Б. Помяловский Н.Г. // *Русский биографический словарь*. Т. 14. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 497–500.
- Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1225.
- Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева. Хрестоматия. Сост.: Д.А. Беговатов, Т.Г. Леонтьева. Тверь: СФК-офис, 2012. 301 с.
- Иннокентий (Борисов), архим. О великих Господских и Богородичных праздниках. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1835. 190 с.
- Колосов В.И. История Тверской духовной семинарии. Тверь: Типография Губернского Правления, 1889. 464 с.
- Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX–начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
- Леонтьева Т.Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.–Тверь: СФК-офис, 2012. 411 с.
- Малеин И.М. Мои воспоминания. Тверь: Типолитография Н.М. Родионова, 1910. 238 с.
- Новые книги // *Отечественные записки*. 1862. Т. 145. № 11. С. 61–77.
- Отец Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора (+ 14 апреля 1857 г.). По моим воспоминаниям // *Тверские епархиальные ведомости*. 1902. № 5. С. 128–147.
- Помяловский Н.Г. Очерки бурсы // *Помяловский Н.Г. Сочинения*. М.: Правда, 1949. С. 213–354.
- Расев А.И. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского. Сводная редакция (1860–1890–1915). Тверь, 2017. 496 с.
- Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. 567 с.
- Розанов Н.И. Историческая записка о состоянии Тверской духовной семинарии // *Тверские епархиальные ведомости*. 1881. № 24. С. 558–567.
- Розанов Н.И. Историческая записка о состоянии Тверской духовной семинарии // *Тверские епархиальные ведомости*. 1882. № 5. С. 144–148.
- Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг: Франц Вагнер, 1866.

Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб.: Синодальная типография, 1867. 84 с.

Храпов А. В. Болотов Василий Васильевич // *Православная энциклопедия*. Т. 5. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 663–668.

REFERENCES

Afanasii (Sokolov) [Afanasy (Sokolov)]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/76926.html> (accessed 23 December 2023).

[Belyustin I.S.] *Opisanie sel'skogo dukhovenstva* [Description of rural clergy], in *Russkii zagranichnyi sbornik*. No. 4. Berlin – Paris – London: A. Asher et C° etc., 1858. 166 p. (in Russian).

Bertash A., prot. Platon (Gorodetskii), mitr. [Platon (Gorodetsky), Metropolitan], in *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Vol. 56. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnyaya entsiklopediya", 2019. Pp. 635–642 (in Russian).

Bogdanova T.A. *Innokentii* [Innocent]. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2008. Available at: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2012294 (accessed 24 December 2023).

Val'be B.S. *Pomyalovskii* [Pomyalovsky]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1936. 262 p. (in Russian).

Vladislavlev V.F. *Avtobiograficheskie zapiski protoiereya Tverskoi Vladimirskoi tserkvi V.F. Vladislavleva* [Autobiographical notes of Archpriest of the Tver Vladimir Church V.F. Vladislavleva]. Tver': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1906. 161 p. (in Russian).

Voropaev V.A. Konstantinovskii Matfei Aleksandrovich [Konstantinovskiy Matfei Alexandrovich], in *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Vol. 37. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnyaya entsiklopediya", 2015. Pp. 131–134 (in Russian).

Gorodetskii B. Pomyalovskii N.G. [Pomyalovsky N.G.], in *Russkii biograficheskii slovar'*. Vol. 14. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova, 1905. Pp. 497–500 (in Russian).

State Archive of the Tver Region (GATO). F. 103. Inv. 1. D. 1225.

Iz istorii provintsial'nogo dukhovenstva: zapiski svyashchennika V.F. Vladislavleva. Khrestomatiya [From the history of the provincial clergy: notes of priest V.F. Vladislavleva. Reader]. Comp.: D.A. Begovatov, T.G. Leont'eva. Tver': SFK-ofis, 2012. 301 p. (in Russian).

Innokentii (Borisov), arkhim. *O velikikh Gospodskikh i Bogorodichnykh prazdnikakh* [About the great feasts of the Lord and the Mother of God]. Kiev: Tipografiya Kievo-Pecherskoi lavry, 1835. 190 p. (in Russian).

Kolosov V.I. *Istoriya Tverskoi dukhovnoi seminarii* [History of Tver Theological Seminary]. Tver': Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1889. 464 p. (in Russian).

Leont'eva T.G. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX–nachale XX vv.* [Faith and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the

second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novyi khronograf, 2002. 272 p. (in Russian).

Leont'eva T.G. *Svyashchennik Ioann Belyustin: biografiya v dokumentakh* [Priest John Belustin: biography in documents]. Moscow–Tver': SFK-ofis, 2012. 411 p. (in Russian).

Malein I.M. *Moi vospominaniya* [My memories]. Tver': Tipolitografiya N.M. Rodionova, 1910. 238 p. (in Russian).

Novye knigi [New books], in *Otechestvennye zapiski*. 1862. Vol. 145. No. 11. Pp. 61–77 (in Russian).

Otets Matfei Konstantinovskii, protoierei Rzhevskogo sobora (+ 14 aprelya 1857 g.). Po moim vospominaniyam [Father Matthew Konstantinovsky, Archpriest of the Rzhev Cathedral (+ April 14, 1857). According to my memories], in *Tverskie eparkhial'nye vedomosti*. 1902. No. 5. Pp. 128–147 (in Russian).

Pomyalovskii N.G. Oчерки bursy [Essays on the Bursa], in Pomyalovskii N.G. *Sochineniya*. Moscow: Pravda, 1949. Pp. 213–354 (in Russian).

Rasev A.I. *Oчерk zhizni v Boze pochivshogo Rzhevskogo protoiereya o. Matfeya Aleksandrovicha Konstantinovskogo. Svodnaya redaktsiya (1860–1890–1915)* [Essay on the life in God of the late Rzhev Archpriest Fr. Matthew Alexandrovich Konstantinovsky. Consolidated edition (1860–1890–1915)]. Tver', 2017. 496 p. (in Russian).

Rimskii S.V. *Rossiiskaya Tserkov' v epokhu velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov)* [The Russian Church in the era of great reforms (Church reforms in Russia in the 1860s–1870s)]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e: Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 1999. 567 p. (in Russian).

Rozanov N.I. Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tverskoi dukhovnoi seminarii [Historical note on the state of the Tver Theological Seminary], in *Tverskie eparkhial'nye vedomosti*. 1881. No. 24. Pp. 558–567 (in Russian).

Rozanov N.I. Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tverskoi dukhovnoi seminarii [Historical note on the state of the Tver Theological Seminary], in *Tverskie eparkhial'nye vedomosti*. 1882. No. 5. Pp. 144–148 (in Russian).

Rostislavov D.I. *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve v Rossii* [About the Orthodox white and black clergy in Russia]. Vol 1–2. Leiptsig: Frants Vagner, 1866.

Ustavy i shtaty dukhovnykh seminarii i uchilishch, vysochaishe utverzhdennye 14 maya 1867 goda [Charters and staff of theological seminaries and schools, approved by the highest on May 14, 1867]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1867. 84 p. (in Russian).

Khrapov A.V. Bolotov Vasilii Vasil'evich [Bolotov Vasily Vasilievich], in *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Vol. 5. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya", 2002. Pp. 663–668 (in Russian).

Статья принята к публикации 21.01.2024